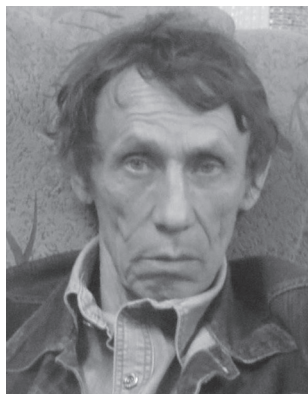

Литературное пространство

Виктор КОВРИЖНЫХ

МОСКВА СТОЛИЧНАЯ

Я посетил сей город странный
с вечерней осенью костров.
Гламурным светом рестораны
смущали сумерки дворов.
Огни вальяжные салонов,
парадный лоск и хлад дверей,
дерев подстриженных колонны
венчали лики фонарей.
Цветной раскручивался спектр:
витрины, вывески, листва,
шли по гекзаметрам проспектов
автомобильные слова.
Я шёл туда, где жил великий
на тихой улице, а там
толклись назойливые блики
предпринимательских реклам.
И я уже любил заранее
тот дом в приглушенных огнях,
где кротким обликом герани
окно в моих светилось днях.
Я шёл, заглядывая в лица,
пытаясь видеть в них родство
с его лампадною столицей,
с мятежным профилем его.
Но люди, двигаясь навстречу,
меня толкали на пути,
как будто этот синий вечер
мешал им счастье обрести.

И оставлял без пониманья
меня обыденный народ.
Казалось: вечность этих зданий
не стоит мига их забот...
Казался мне сей город странный
живым гигантским существом,
помпезно-каменно-стеклянным
мифологичным божеством;
с организованною жизнью,
где правил свой особый рок,
и будни дальних, будни ближних
ввергал в один кровопоток.
И я в его крововращенье –
как бы случайный, лишний ген,
и подвергался возмущенью
холодных плит его и стен...
Прожектора свивались нимбом
над зданьем стройным, как сонет,
и экзальтированные нимфы
слетались на зелёный свет...
Меня привёл туда небритый
какой-то тип и отвечал:
– Вот этот дом. Здесь Маргарита
была предтечей двух Начал».
Смиренней, чем минор опалы,
я озираю и дом, и двор:
толклись кокетливые пары,
дежурный сталлся разговор –

Коврижных Виктор Анатольевич родился в 1952 году в селе Старобачаты Беловского района, Кемеровской области. После окончания средней школы трудился трактористом, затем служба в Армии. Затем работал на угольных предприятиях водителем, машинистом ж.д.крана, составителем поездов, пожарным-спасателем. Автор шести поэтических книг. Стихи и проза публиковались в центральных и региональных изданиях. Лауреат литературных премий, среди которых имени В. Д. Фёдорова. Член Союза писателей России.

о презентабельности, вкусе,
о ценах, пенсиях, дожде.
И спор о долларовом курсе
топтал стенанья о нужде.
Старуха с сеткою бутылок,
скамья с подпитым мужиком,
атлета выбритый затылок
над иномаркой с маячком.
Несло жильём густым и острым!..
Я удивлялся в свой черёд,
что можно буднично и просто
здесь жить в сетях иных забот.
Тоской повеяло окопной
и мглой породистых собак.
А впрочем, вот подъезд и окна,
и в окнах зыбкий полумрак...
Качнулись призрачные тени
из потревоженных углов
и на исписанные стены
пролились блики куполов.
Я поднимался по ступеням,
в груди волненье затая,
шипеньем злобным и сипеньем
пронизан воздух бытия.
Вдруг жуткий хохот по затылку
ударил холодом невзгод –
рот перекошенный ухмылкой,
отверстой бездной чёрный рот.
«Ну вот и он, посланник вещей» –
подумал, глядя в полость рта.
– Я – Воланд!, – просипел зловеще, –
Хвала биографу Христа!»
Поди, актёр из пантомимы
глумится здесь, вгоняя в страх:
лицо задёрнутое гримом,
оттенок синий на щеках,
и чёрный рот, и зубы чёрны,
и волос перьями – сатир!
Он со ступеней встал проворно
и вновь представился: «Мессир!»
– А я – поэт!» – сказал Мессиру,
и вдруг откликнулось: «Поэт!..
Ещё один поэт в квартиру!»
И хохот ринулся вослед
по жёлтым плитам потолочным,
перилам, стенам и дверям,
по ржавым трубам водосточным,
и вверх, и вниз по этажам!
Кружа обёртку шоколадки,
окурки, пробку от пивной...
Я оглянулся: на площадке
юнцы смеялись надо мной.
Скорей химеры новой моды
кривлялись, корчились, тряслись,
и вопли пасмурной погоды
визжащей кошкою неслись.
Мессира пёстрые вассалы!..
А на стене – качаясь в лад –
юница бледная писала
губной помадою: «Во Ад!»
То ль отравяясь болотным газом,
то ли ударена трубой, –
она задёргалась в экстазе,
сплетая руки над собой!

И что за сила в этом теле
ломала крайнюю комедь?
Иль родилась она за тем лишь –
здесь расписавшись, умереть?
Я дерзко их призвал к покою!
И кто-то тихо попросил:
«Прочти нам что-нибудь такое,
чтоб мы свалились у перил».
Я прочитал им про шахтёров,
о жизни в чёрных небесах,
о белом голубе просторов,
о ветре угольном в глазах.
Я видел! Стены задрожали
и наклонились на излом.
Качнулось всё! Они стояли
с непроницаемым лицом.
«Коврижных выраженный ржавень» –
как скрежет юноша изрёк –
Иван Нифонтович Державин,
от Лири Тимоти пророк,
адепт искусственной химеры,
юнец с косичкой и серьгой...
«Мы из другой ментальной сферы,
мы от эстетики другой.
С тобою грустно нам и зябко,
нас от стихов своих – уволь...
На, вот возьми с собою «ляпку»,
сними печаль свою и боль...»
Противно двери заскрипели
и вот уже другого дня
визгливый голос: «Надоели!
Бомжи!..Фанаты!..Наркотня!..
Я не сменял на их наркотик
земной юдоли благодать.
Смотрели пристально напротив
глазами цифры «50».
Я в эту дверь не стал стучаться,
хоть вход и не был мне закрыт, –
боялся разочароваться:
а вдруг и там – мордастый быт?..

Прощай, обкуренный, увечный,
от Лири Тимоти эстет!
Чтоб пребывать в блаженстве вечном,
рождаться незачем на свет.
Прощайте, птицы героина!
Прощай, игрушечный мессир!
Тебя из мрака гуталина
великий Мастер воскресил.
И лишь в его астральной власти
тебе соперничать с Христом.
Здесь жил последний в мире Мастер,
посредник меж добром и злом.
Он ничего мне не ответил,
он лишь ослабил бездной рот.
И, как из шахты, чёрный ветер
повеял холодом пустот.
Я возвращался в город странный
из летаргических миров
в помпезно-каменно-стеклянный
с вечерней осенью костров.

Фонарь узорчатый наддверный,
шаров чугунных стройный ряд.

Подумал я: Арбат, наверно.
 И мне ответили: Арбат.
 Качнулся свет луны горбатой
 и по велению высот
 над синим вечером Арбата
 арбатский вспыхнул небосвод...
 Я здесь бывал в мечтах, заочно,
 в давнишних снах своих бывал.
 И вот теперь Арбат воочью
 и зрячим сердцем узнавал.
 Вон там, должно быть, – антикварный?
 И через несколько шагов –
 лампы меди самоварной
 томились в сумерках веков.
 И узнавал я: магазины,
 ларьки, киоски и лотки,
 афиши, вывески, витрины,
 мемориальные венки.
 А здесь жил песенный романтик –
 и вот уже гитарный звон
 ведёт фасад в ампир и антик,
 и в зябкий траур похорон.
 И проецировались сцены,
 почти придуманные мной.
 Я открывал глаза, и стены
 мерцали памятью родной...
 А там – художники, должно быть,
 свои картины продают? –
 Сидят художники! У ног их –
 картин арбатовский уют.
 Цвета и запахи – о, Боже –
 мои напоминают сны,
 и так же лицами похожи,
 и тот же стульчик у стены!..
 – Ты нарисуй меня в столице
 на фоне уличных дворов?»
 И он меня рисует птицей
 с вечерней осенью костров.
 – Ты, верно, знал меня заране, –
 узнал, узнал какой я есть?»
 – Ты снился мне в окне с геранью
 и подавал благую весть...
 Платите доллар за портретик...»
 Такой портретик я хочу.
 Ну, а посколь валюты нету,
 по курсу доллара плачу.
 Потом купил у генерала
 я ром, что Стивенсон любил.
 И там же – виллу на Канарах
 за двадцать долларов купил.
 Он выдал паспорт мне престижный,
 где без труда могли узнать:
 «Владелец виллы В. Коврижных»
 И ниже подпись и печать.
 И прилагалось фото виллы
 с бассейном, пальмой и авто.
 (Жаль, никого не удивил я –
 не верит паспорту никто).
 «...плывёт в тоске необъяснимой...» –
 С необъяснимым блеском глаз
 толпа юнцов проходит мимо,
 впадая в медленный экстаз.
 И я так странно замечаю,
 что интонацией такой

я поневоле совпадаю
 с «необъяснимой тоской»...
 И снова воздух тёмно-синий
 колышет жёлтые огни,
 на голос хриплого мессии
 бегут озвученные дни.
 А также вывески, витрины,
 решётки, окна, фонари,
 афиши, лавочки, картины
 и смуглый пасынок зари.
 И голоса былых великих,
 для утверждения основ,
 несли серебряные блики
 и в них родные лица снов.
 И надвигалось следом небо
 цветное, как павлиний хвост,
 в наклейках фирменных и лейблах
 и в именах эстрадных звёзд.
 Но это небо – ниже Слова.
 Раздался возглас петуха.
 Толпою пёстрой и попсовой
 предстало воинство Греха.
 Порок старался быть идейным.
 Наркотик, пошлость, топ-модель
 от Кафки, Моррисона, Рейна,
 а шлюха – Кант Эммануэль!
 Оно гламурилось, кривлялось,
 ведя тусовочную речь.
 И так назойливо старалась
 к себе внимание привлечь.
 Кто плотской хохмой сибарита,
 кто разрисованной щекой.
 А нагло наголо обритый
 гремел цепями и серьгой.
 Эроты графа Графомана
 фальцетом выли словеса
 от Шахрина до Губермана –
 визжала радостью попса!
 Презерватив надутый голой
 девицей, медленно взлетел,
 фанатов «Фанты» и футбола
 восторг дебильных децибелл.
 И пудель кукольных баталий,
 с блатной нирваной наркоман,
 и смотр рекламных гениталий
 альфонсов, фавнов и путан.
 Глумилось синим апельсином
 лицо под чёрным котелком,
 воняло завистью и псиной,
 гашишем, чёртом и козлом!
 Среди опереточного грома
 я был чужим здесь и смешным,
 с любовью к Родине и дому,
 с любовью к женщинам земным.
 С душевной психикой нормальной
 среди павлинов и педрил
 я оказался аномальным,
 из гамадрилов гамадрил!..
 Хрустели доллар и картофель,
 банан облизывал язык,
 а депутат, как Мефистофель
 смеялся, в полночь скаля клык.

Среди компьютерного бреда

разрекламированных лиц
я вдруг подумал, что здесь нету,
здесь нету ангелов и птиц.
И вдруг из клики аморальной
она явилась птицей мне:
с крылами белыми из марли
на скорбно согнутой спине.
– Ты, верно, к нам пришла от Бога?
Что ищешь ты среди злочных лиц?»
– Там самолётов слышишь много
и мало ангелов и птиц...
Хочу в своё вернуться небо,
да не могу его найти...»
Её лицо блее снега
меня расстрогало почти.
– Я видел небо за рекою.
Пойдём туда, где Божий храм!
Там звёзды плачутся росой
в густые травы по утрам!
А здесь, увы, иная сфера,
лишь прикрывает стыд и срам.
Пойдём за тем милиционером
туда, где светит белый храм!...»
И мы вошли в его пределы,
и там, с надеждою в глазах,
крылом взмахнула и – взлетела!
И – растворилась в небесах...

Меня окликнул бодрым словом,
как в прошлых угольных мирах,
шахтёр знакомый из Белова
с разбитой каскою в руках.
Его я обнял, словно брата,
и я спросил его, как брат»
«Чего ты шляешься Арбатом,
зачем тебе такой Арбат?
И что ты уголь не копаешь,
тебя, поди, на шахте ждуть?»
И он ответил мне: «Ты знаешь,
нам год зарплату не дают...»
И он ответил мне, как брату,
что здесь он лозунги кричит,
что на мосту живёт Горбатом, –
в пикете каскою стучит.
«Пойдём со мною на Горбушку»
Приём тебе, как королю!
Твои стихи сильнее, чем пушки –
шарахни словом по Кремлю!
И вмиг – отставка президента,
и вновь мы славно заживём!
Не упусти судьбы момента –
рази их словом, как огнём!...»
«За историческим моментом
опять последует момент.
И за отставкой президента
придёт обратно президент» –
ему ответил я, как брату,
и он простил меня, как брат.
Потом во дворике Арбата
мы пили с братом за Арбат
могучий ром густой и знойный,
который Стивенсон любил.
И было тихо и спокойно
в душе и в памятях ветрил.

Я разговаривал с раввином.
С печалью глядя мне в глаза,
он говорил, что по равнинам
возшли нацизма голоса.
«... вновь гроздь ненависти зреет
и вновь покой не обрести.
Нет места бедному еврею
на богоизбранном пути...»
Я пожалел его в итоге.
И, чтоб утешить, предложил:
«Хотите в вашей синагоге
прочту стихи о том, как жил
на русской родине, в Бачатах,
где в поле ветер-разгуляй,
где в палисадниках дощатых
поёт черёмуховый май.
Зелёной дудочкой влады,
мы одолеем зло равнин...»
«Нет, нет! Там место иудеям!» –
сказал, нахмурившись, раввин.
И боль несчастного Иуды
слезой скатилась на пальто...
«За что же вас не любят люди?» –
Вопросом молвил мне: «За что?..»

Как звездочёт за вдохновеньем,
чтоб завершить свои труды,
иду строкой стихотворенья
за новой вспышкой озаренья
на Патриаршие пруды.
Пасхальным золотом облиты
скамьи, деревья и в века,
как патриаршие молитвы,
плывут на синем облаке.
Как на земле моей бачатской,
как в первозданной тишине,
любовью веяло и счастьем!
...И были тут виденья мне.
Вначале радужные блики
затем во горних облаках
зажётся Будда синеликий
с трёхгранным символом в руках:
«Соседство трёх цивилизаций,
трёх равнозначущих высот
закончит цепь реаркарнаций –
Живая Этика взойдёт!» –
Сказал и в облак растворился
в прозрачной горней синеве,
лишь звук, как эхо, отразился
невнятным шорохом в траве.
А следом – Он, наверно, – Боже!
Раздвинул властно небеса,
предстал сияньем невозможным
и ослепил мои глаза:
« Ты – миг придуманного года!
В нём твой придуманный господь.
Носи его любовь к народу,
пока свою не сносишь плотью!
Ты, дерзким духом одержимый,
в иное веришь бытиё.
Ты сам себе – непостижимый.
То – отражение Моё!..»
Кажись, сияния померкли.
Открыл глаза – лёт облаков.

И с куполов окрестной церкви
 пролился плач колоколов.
 Предстал другой сияньем строгим,
 в чалме зелёной и изрёк:
 «Цени не только цель дороги,
 цени достоинство дорог!»
 Я думал: кончились виденья.
 Ан нет! – Предтечею предтеч –
 Пророк, как в том стихотворенье,
 с Талмудом огненным у плеч.
 Изрёк Мудрец из Ветхой Веры:
 «Добро и Зло не осуждай.
 Люби людей, но равной мерой
 и равным гневом воздавай.
 Своею жертвенною кровью
 не орошай пути свои.
 Не называй любовь Любовью,
 а злобу Злом не назови...» –
 Сказал Мудрец и жёлтой птицей
 шмыгнул в задумчивость ветвей,
 как шелестящая страница
 из Ветхой летописи дней...
 Потом ещё мессии были
 и растворялись вдали,
 глаза назойливо слепили,
 и речи всякие рекли.
 Усталой жизнью человека
 уснуть хотелось мне на век,
 когда из каменного века
 пришёл язычник – Дровосек.
 Поднял топор и – блеск столицы
 на звонких гранях заиграл:
 «На этой грани пела птица,
 на этой ворог зло скликал.
 Отсюда начато движенье
 во славу, радость и печаль.
 Он двух Начал – вражда, сраженье
 и примиренье двух Начал.
 И ты, и пруд, и мир весь сущий
 есть примирение и свет», -
 вручил топор мне и за гущей
 деревьев свой упрятал след...
 –11-

Дерев качнулось отраженье,
 качнулся тихий небосвод.
 И облака, как сны блаженных,
 скользнули в ризы синих вод.
 Шептались тихие берёзы
 словами детства и любви,
 что проступили следом слёзы
 исповедальные мои.
 Что там, в Бачатах, зреет праздник,
 горит в лугах вечерний свет,
 что снова смотрит в палисадник
 звезда черёмуховых лет.
 А я тут шляюсь по столице
 в богоискательстве своём.
 Чужая жизнь, чужие лица.
 Зачем оставил отчий дом?
 Там вновь родители с тоскою
 вздыхают, выбившись из рук,
 опять одни картошку роют,
 а мне б помочь – да недосу!

Что без меня латает крышу
 жена, на всех срывая зло,
 что снова в стайке пол прогнивший,
 в окно не вставлено стекло!..
 Так сокрушался я, вздыхая,
 что жизнь нелепа и смешна,
 и несуразная такая,
 и никому-то не нужна.
 И как найти опоры точку
 в моём родительском краю?
 И оправдать хотя бы строчкой
 всю жизнь нескладную свою.
 Потом уйти с моей страницы
 в лесов задумчивую медь...
 В лесных просторах заблудиться
 и тихой песней умереть...
 –12-

Меня нашёл Мутант прогресса
 с научной мыслью на устах.
 Он мне поведал с интересом,
 что ждёт нас в будущих веках:
 «Закон физический – Основа!
 И мера нравственных доктрин.
 Взойдёт в эфир иное Слово
 от электрических машин».
 Я молча выслушал Мутанта,
 его напутственный совет:
 бесстрастной сути доминанта
 перерождала в схемы Свет.
 Внёс речь его в свои «скрижали».
 И вдруг узрел – едрена мать! –
 его расчисленные дали –
 не смею вам их показать...
 Я написал главу и мыслью
 взлетел на сотни лет вперёд:
 освоив ангельские выси,
 Мутант клонировал народ.
 И я подумал: прав был Гоголь,
 когда сжигал «вторую часть».
 Поди, и он увидел бога –
 Технократическую Власть?..
 Я сжёг главу, лишь для намёка
 оставил первую строку:
 –13-

«Грядёт компьютерный Мессия...»
 –14-

... зловещий фон кровоподтёком
 расплылся по черновику.
 Зелёным пламенем обвитый,
 горел в огне главы металл.
 И я стоял, как инквизитор,
 и мстью праведной пылал.
 Горела, как живое тело,
 и мукой корчилась в огне.
 А на душе моей светлело
 и становилось легче мне.
 Когда истлел в костре мятежном
 Мутанта страшный календарь,
 душа наполнилась надеждой,
 предстала в ясном свете даль...
 –15-

...А что, подумал я, такого?..
 Пока дремали сторожа,
 я заглянул в начало Слова,
 душой волнуясь и дрожа.
 Я в щелку узенькую глянул
 и тихо вздрогнула душа:
 увидел домик и поляну,
 и на поляне малыша.
 Он горько плакал одинокий
 неподалёку от ворот,
 малыш трёхлетний, босоногий,
 вареньем выпачканный рот.
 Пожалуй, только успокоить
 и утереть лицо потом,
 - я вытер рот ему платком
 спокойно, нежно и легко я.
 Однако, на меня похожий,
 - подумал так и в тот же миг
 прошёл волной мороз по коже
 и в ужас выплеснулся крик!
 Я оглянулся: завывали
 ветра неведомой зимы,
 направо речки побежали,
 налево сдвинулись холмы.
 Менялось всё!.. Над водокачкой
 раздался хохот с высоты
 и следом снег, густой и мрачный,
 упал в зелёные кусты.
 И Голос гулким водопадом
 пролился в русло бытия:
 «Тебе смотреть туда не надо! –
 В грядущем плачет кровь моя!..»
 –16-

Я покидал тебя, столица,
 без сожалений и обид
 на озабоченные лица,
 на суетливый мелкий быт.
 Я побродить хотел бы снова
 вечерней, улочной тобой.
 Но мне пора. К тому ж Лужкова
 указ о визе гостевой.
 Пора на родину, в Бачаты,
 в родную память прошлых дней,
 где в жизнь мою навек впечатан
 закат малиновых огней.
 Прощай, Москва!.. Небезразличный
 к твоим дворцам и куполам,
 ты лишь не стала симпатичной,
 поскольку была Москвой столичной,
 как и положено москвам.
 Прощай, Арбат, цветок летящий
 на приземлённый небосклон.
 И вы, пруды, что Патриарши,
 с водою синею икон.
 И вы, огни толкучных улиц,
 и вы, кремлёвские шатры...
 Я уходил. Не оглянулись
 твои помпезные дворы.
 Лишь беломраморные кони
 мелькнули вслед мерцавшем свеч!..
 (Они потом меня догонят
 и будут дни мои беречь).

Я уходил в свой день заветный
 под шорох сумрачных дворов,
 с любовью тихой, безответной,
 с вечерней осенью костров.
 Туда, где искренние люди,
 где незатейливый уют.
 Лишь только там меня полюбят,
 лишь только там меня поймут...
 Иду от площади брусчатой,
 со мной завещанный топор.
 Иду в страну мою, Бачаты,
 чтоб там построить свой Собор.
 –17-

Я заложил в фундамент слово.
 (звучит банально – спору нет.)
 Лучом пронзительным основа
 мне обозначила сюжет:
 какой фасад, какие стены,
 какие окна и притвор...
 Так незаметно, постепенно
 возник замысленный Собор.
 ...Пошли венцы согласным рядом,
 зарядом света и тепла,
 сквозным узорчатым нарядом
 от стройных окон до угла!
 А в окна стенок вертикальных
 я вставил множество икон
 и поселил в них гениальных
 со всей земли, со всех времён.
 А наверху, где бродят громы,
 и обмирает тишина,
 я топором срубил огромных
 четыре стрельчатых окна.
 Во всём доверяясь глазомеру,
 я завершил дальнейший путь:
 собой сомкнули окна сферу,
 да так, что их не разомкнуть!
 Простым сияньем незабудок
 я поместил в тех окнах Свет:
 Христа, Мухаммеда и Будду,
 и Мудреца из Ветхих лет.
 Здесь будет просто им, удобно.
 Я докажу: так может быть!
 Что сердце русское способно
 четыре Света примирить!
 Но увенчал я купол Солнцем!
 Пусть будет господом моим,
 чтоб всем во мраке полусонном
 Он освещал дороги к Ним...
 В свой храм зашёл я на рассвете,
 когда закончились дела:
 цвёл летний день. Смеялись дети
 и речка тихая текла.
 Потом топор свой знаменитый
 я запустил в грядущий век.
 (Похоже, снял его с орбиты
 и мне вручил бог Дровосек).
 Растаял точкой незаметной
 топор в высоких облаках.
 И я подумал: жизнь бессмертных
 у смертных держится в руках.

«...и кто любит сына и дочь более,

чем Меня, не достоин Меня...»

(от Матфея, гл.10, п.37)

В сомненьях тягостных робею...

То ль чую смертную беду?..

В храм к благочинному Сергею
я исповедаться иду...

Вошёл и в пояс поклонился,
но строгим взглядом встретил он:

– Вошёл и не перекрестился?..

– Я не могу... Я не крещён...

– Твой путь исканий необычный.

Так, чьих ты, праведник, идей?

– Я – литератор. Я – язычник,

и с верой собственной, своей.

Своей довольствуюсь молитвой,
окной мне – окно моё.

Там светом утренним облиты
луга. И ласточка поёт.

И я бы отдал душу Аду

за мир и счастье на Земле...

– Искать свой путь, конечно, надо.

Но ты скитаешься во мгле...

Пойдём во двор, негоже в храме
вести с тобою разговор...

Так как могу помочь словами,
когда есть собственный собор?

– Я не пытаюсь вас обидеть,

я в ваших искренних словах

хочу, как в зеркале, увидеть:

чиста ль душа моя в делах?

И прав ли я в своих сомненьях?..

– Не в свете истинном твой путь.

Он весь – ошибки, заблужденья,

в них не отыщешь правды суть...

– Но путь сомнений – путь особый.

Пусть никуда не приведёт,

но сгину я – ошибкой, пробой –

за мной не двинется народ?..

– Всё ж ради славы и признанья

ты в заблуждениях творишь.

Пути бесплодного познания –

умов лукавых происк лишь...

– Я не люблю готовых истин.

В сомненьях помыслы чисты,

когда на радость людям ты

несёшь цветы душою чистой,

то станут истиной цветы?..

– Без веры истинной отравы

полны цветы твоих удач...

– Тогда и Он – заложник славы,

когда распял Его палач?!

Он знал, что будет Воскрешенье,

и будут в честь Его стихи!..

– То смерть – во имя искупленья!..

Он и твои простил грехи.

Не оскверняй святое Имя

заблудшим помыслом, пиит...

– А вдруг, глазами Он – моими

от Слова Нового глядит

на тех, кто верует и помнит?

Но ведь и я душой не слеп:

они выращивают бомбы,

а я выращиваю хлеб.

От Слова Нового Завета

смотрю на мир с тоской опять:

статьи доходные в бюджете –

на рынок бомбы поставлять.

И что Он думает сегодня,

когда доход, вернувшись к нам,

даёт довольство, свет Господний

и строит нравственность и Храм?..

Есть основания для сомненья.

И может, даже у Него...

– Твоих фантазий заблужденья

опровергаются легко:

всё ясно сказано в Заветах!

Сын Божий – не для праздных уст!

Я понимаю: для поэта

омега с альфой – всякий куст...

– За то, что принял смерть, как плату,

за прегрешения людей,

я полюбил Его, как брата,

и принял суть Его идей,

хоть большей звал к Себе любви,

чем к сыну матери любовь.

Не оттого ль так много крови?

И в вашем Храме – тоже кровь.

Боль заложив в источник света,

пройти сквозь это просит всех...

Мой храм другой. И в храме этом

первоисточник – радость, смех...

Я, может быть, угоден тоже.

Есть и в блужданиях новизна.

И с Ним, возможно, в чём-то схожий,

поскольку цель у нас одна:

дать людям свет, любовь и силы,

чтоб счастье в жизни обрести...

– Вот в чём несчастья России –

за вами следует в пути!..

Коль цель ясна и есть дорога, –

чего искать? Чего блуждать?

Для всех открыто сердце Бога,

и каждый сыщёт благодать...

– Для слабых духом та дорога.

А сильным – новый путь торить!

И стыдно сильному у Бога

любви и милости просить.

– А Бог и есть путь к новым знаниям.

А что несут пути твои?..

Ключи к успеху и признанию?

– Ключи от счастья и любви!

– Твои несбыточны усердия.

Ключ – Божий промысел и глас.

Ступай в свой путь. Пусть плачет сердце,

то – боль и стон Его о нас...

Потом добавил, глядя в землю,

рукою трогая скамью:

– Я по тебе свечу затеплю.

И помолюсь за ночь твою...

19-27 октября 1998 г. Старобачаты